

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА В ЛИФЛЯНДИИ В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Ю. Ю. КАХК,

Во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. в Восточной Европе был проведен ряд реформ, имевших целью государственную регламентацию размеров помещичьих повинностей крестьян (введение урбариев в Австрии в конце XVIII в., ограничение барщины Поланецким универсалом 1794 г., введение инвентарей в Западной и Правобережной Украине в 1840-х годах).

Оценка этих реформ интересовала и интересует историков разных стран. Нет сомнения, что результаты, достигнутые при изучении одной из этих реформ, имеют немаловажное значение для историков, занимающихся аналогичными проблемами, и явятся шагом на пути выяснения общих, но в то же время и конкретных закономерностей, проявлявшихся в аграрной политике правящих классов Восточной Европы.

В данной статье пойдет речь о том новом, что удалось выяснить о крестьянских реформах 1804 г. в Прибалтике, которые представляют собой до известной степени наиболее типичный пример вышеуказанных реформ. Хотя этой теме касались уже многие историки, тем не менее коренной вопрос реформы 1804 г.— вопрос об изменении размеров крестьянских барщинных повинностей — еще полностью не решен и в оценке этой реформы мнения советских историков расходятся. Поэтому нелишне еще раз обратиться к этой теме, особенно если учесть, что удалось вновь привлечь еще один важный для данной проблемы источник — документальные материалы правительственного комитета в Петербурге, созданного для руководства реформой 1804 г. Первым и до недавнего времени единственным исследователем, который использовал эти материалы для своей (вышедшей в 1876 г.) работы, был Ю. Самарин. Позднейшие буржуазные историки ограничивались лишь сведениями, выявленными Самариним, причем волей-неволей попадали под влияние его концепций. Эти хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ф. 1528) материалы не использовались и советскими историками, хотя они дают возможность выяснить некоторые новые или же малоизвестные стороны рассматриваемого вопроса, причем представить их в другом свете, чем это делал Самарин.

Наблюдавшееся в имениях Прибалтики во второй и, особенно, третьей четвертях XVIII в. бурное развитие товарного производства сельскохозяйственных продуктов¹ привело в 70—80-е годы (по мнению некоторых историков, уже в 50—60-е годы²) к тому, что старые феодальные производственные отношения стали помехой на пути дальнейшего развития производительных сил.

По сравнению с XVII и даже первой половиной XVIII в. во взаимоотношениях помещиков и крестьян произошли большие изменения. Заинтересованный в увеличении товарного производства своего имения помещик налагал на своих крестьян все новые барщинные повинности. Особенно стремительно росла так называемая вспомогательная или неординарная барщина. Кроме постоянной или ординарной барщины, которая выполнялась в Прибалтике круглый год и выражалась в том, что каждое крестьянское хозяйство обязано было посылать на мызу отрабатывать определенное количество дней в неделю одного барщинника с упряжкой (в период летних полевых работ посылался еще один пеший работник), помещики в напряженное время полевых работ требовали еще и дополнительных конных и пеших работников (для весенней пахоты, вывозки навоза, уборки урожая, лесозаготовительных работ, винокурения и т. д.). Это называлось вспомогательной барщиной. Барщина не только увеличилась по объему³, начал меняться и ее характер. Вспомогательная или дополнительная барщина настолько возросла, что к концу XVIII в. она уже не была «дополнительной», а стала неотъемлемой и существенной частью барщинной системы эксплуатации крестьян. На ее долю падало уже около половины общего числа барщинных дней за год. Несравненно шире, чем раньше, стали на барщине практиковать своеобразный вид сдельщины (так называемые урочные работы). Помещиков стал занимать вопрос, как получить барщину и от безземельных бобылей.

Усиление эксплуатации со стороны помещиков усиливало и протест со стороны крестьянства. Вторая половина XVIII в. в Лифляндии, как очень убедительно показал в указанной выше книге М. Степерманис, это — период непрерывных судебных тяжб между помещиками и крестьянами из-за размеров барщинных повинностей, причем наиболее острые споры шли именно вокруг вспомогательной барщины; в то же время это — период следовавших одно за другим сильных крестьянских волнений. Если еще

¹ К сожалению, до нас не дошли полноценные статистические сведения по этому вопросу, зато сохранились убедительные данные по отдельным имениям и свидетельства современников. (A. W. Nupel. Topographische Nachrichten von Lief — und Ehistland, Bd. II, Riga, 1777, S. 259; [H. J. Janna]. Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauern in Lief — und Ehistland., s. 1., 1786, S. 86). Многочисленные примеры по отдельным имениям приводит М. Степерманис в своей книге «Zemnieku nemieri Vidzeme 1750—1784» (Riga, 1956, 46, 253—257 lpp.).

² См. об этих двух точках зрения в рецензии на вышеуказанную книгу М. Степерманиса в «Истории СССР» (1957, № 5, стр. 238—239).

³ По мнению Я. Я. Зутиса, барщинные повинности крестьян в Лифляндии во второй половине XVIII в. как правило удвоились (J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības saimšanas perioda un Kauguru nemieri 1802 gada, Riga, 1953, 94—95 lpp.).

в середине XVIII в., судя по известной декларации ландрата Розена от 1739 г., принятой к руководству и правительственными учреждениями, крестьянам фактически было запрещено жаловаться в суде на усиленный гнет со стороны своих помещиков⁴, то во второй половине столетия пришлось открыть крестьянам путь в судебные учреждения с тем, чтобы уменьшить, таким образом, количество крестьянских волнений⁵. Сам ход классовой борьбы и усиление связей крестьянского хутора с рынком увеличивали неприязнь крестьян к барщине. В ходе наиболее сильных крестьянских волнений (в 1784 и в 1802 гг.) крестьяне не только требовали уменьшения помещичьих повинностей, но вообще отказывались исполнять барщину, заявляя, что будут нести повинности только государству⁶.

Необходимость приспособить экономику своих имений к требованиям развитого товарного производства и обострение классовой борьбы заставили помещиков приступить к аграрной реформе.

В рамках статьи нет возможности подробно остановиться на фактической стороне предыстории крестьянской реформы 1804 г. Поэтому ограничимся выяснением позиций и подхода к реформе различных группировок лифляндского дворянства и царского правительства.

По мнению апологетов аграрной политики прибалтийского дворянства Тобина и Гернета, сложный процесс развития аграрной политики в Прибалтике в начале XIX столетия протекал по очень простой схеме. Сначала дворяне пытались улучшить экономическое и правовое положение крестьян и с этой целью «придумали» принцип определения помещичьих повинностей крестьян при помощи так называемых вакенбухов. Позднее, однако, под влиянием «освободительных идей» и нажимом царского правительства, они отошли от «реалистического пути» и осуществили неудачное освобождение крестьян, печальные результаты которого они же сами пытались изменить в 1840—1850 гг.⁷

Марксистская историческая наука видит в реформах не акты благодеяния правителей или правящих классов, а результаты классовой борьбы угнетенных против угнетателей. Прекрасный образец такой трактовки дает Энгельс, разбирая аграрные реформы прусского правительства в первой половине XIX столетия. Он очень образно говорит о том, как правящие классы пытались «спасти из феодализма все, что еще можно было спасти» и что лишь классовая борьба народных масс наконец показала им, «что барщина стала невозможной»⁸.

По выявленным в республиканском историческом архиве данным, с 1797 по 1800 г. на территории нынешней Эстонской ССР (Эстляндская губерния и северная, эстонская часть Лифляндии) крестьянские волнения имели место в 14 имениях. В 1 случае нет достаточных конкретных данных о характере борьбы, в 7 — крестьяне требовали уменьшения тягостных барщинных повинностей, в 5 — сопротивлялись телесному наказанию помещиком или местными полицейскими чиновниками из помещиков и в 1 случае имели место оба мотива. Эти данные ясно говорят о том, что аграрные реформы в Прибалтике начались с попытки ограничить помещичий произвол в отношении личности крестьян и регулирования размеров барщинных повинностей не потому, что помещики якобы хотели вначале улучшить положение крестьян, а затем их освободить, а потому, что именно эти вопросы наиболее остро ставились крестьянами в их борьбе.

Реакция крестьян на увеличение помещичьего гнета выражалась не только в открытых волнениях, но и в упорных, хотя и безнадежных попытках добиться «правды» в суде или местных правительственных учреждениях. По силе сопротивления и остроте

⁴ См. по этому вопросу Juris Vigrabs. Die Rosensche Declaration vom Jahre 1739, Tartu, 1937.

⁵ Я. Зутис. Указ. соч., стр. 116.

⁶ М. Степермаис. Указ. соч., стр. 211, 364 и 370.

⁷ Axel Gernet. Geschichte und System des bauerlichen Agrarrechts in Estland, Reval, 1901, S. 94—95 и 124—125. Эта концепция «доброжелательного прибалтийского дворянства», которая не только реакционна и лженаучна, но и окончательно устарела (уже в 1953 и 1954 гг. она была опровергнута Я. Зутисом), все еще бытует на страницах трудов буржуазных аграрных историков (см. напр. W. Conze. Quellen zur Geschichte der deutschen Bauernbefreiung, Berlin—Frankfurt, 1957, стр. 36).

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 246—247.

своих форм выделяется борьба эстонских крестьян имения Выйзику в 1790—1796 гг. против помещика А. фон Сиверса. Вожаки выйзикуских крестьян несколько раз ходили в Ригу к губернатору и генерал-губернатору с жалобами на своего помещика. Крестьяне оградили своих вожаков от телесного наказания в имении, а когда помещик одного из них продал, товарищи разыскали его в уездном городе Вильянди, освободили и привели домой. Шесть лет длились судебные тяжбы крестьян: местному нижнему земскому суду пришлось по крайней мере шесть раз выезжать в Выйзику для расследования дела на месте. Помещику не осталось другого выхода, как составить вакенбухи для «законного обоснования» своих требований — он нанял землемера, который провел измерительные работы, составил карту крестьянских угодий и вакенбухи хуторов. Внесенные в вакенбухи данные «доказали» теперь, что хотя размеры помещичьих повинностей крестьян по сравнению с прошлыми годами увеличились, их стоимость соответствовала стоимости крестьянских земель (при оценке как повинностей, так и земель исходили из стокационного метода, примененного в конце XVII в. шведским правительством, конечно истолковывая и изменяя его к выгоде помещика) ⁹.

В своей статье латышский историк М. Аболина подвергла анализу судебные тяжбы между крестьянами и помещиками на рубеже XVIII—XIX столетий в 12 лифляндских имениях. Выяснилось, что в 8 случаях в целях «законного оправдания» увеличения барщинных повинностей крестьян помещики провели измерительные работы и составили вакенбухи ¹⁰. Протесты крестьян против таких составленных «домашним путем» вакенбухов настолько участились, что генерал-губернатор Репнин должен был в 1795 г. возбудить вопрос о том, не стоит ли вообще запретить такое «неофициальное» составление вакенбухов ¹¹.

Судам и местным царским чиновникам приходилось беспрестанно заниматься вопросами крестьянских повинностей. Эти органы власти все чаще сталкивались с необходимостью внесения некоторой ясности в вопрос о «законности» требования с крестьян тех или иных повинностей.

Необходимость узаконения возросших помещичьих повинностей крестьян вытекала из общественно-экономического развития Лифляндии на рубеже XVIII—XIX вв. Помещиков и царские власти заставляло пойти на это то обстоятельство, что крестьяне больше не хотели мириться с помещичьим произволом и непрерывным увеличением повинностей.

Вопрос о том, почему именно в Прибалтике сравнительно столь рано приступили к аграрным реформам, можно решить только в рамках более широкого исследования, охватывающего вопросы общественно-экономического развития и аграрной политики всей тогдашней Российской империи. Здесь можно указать только на следующее обстоятельство. Общественно-экономическое развитие Прибалтики в конце XVIII в. не только остро поставило крестьянский вопрос, но и подготовило способ и программу его решения установлением общеобязательных норм помещичьих повинностей путем введения официальных вакенбухов. Вначале и царскому правительству, и части местного дворянства также решение вопроса казалось довольно реальным.

Назрела необходимость законодательного урегулирования не только размеров повинностей, но и некоторых других вопросов. Помещики стали вводить на барщине урочные работы и гонять на барщину бобылей. Это надо было закрепить в законодательном порядке. Но не все лифляндские помещики в одинаковой степени понимали необходимость такого маневра. Большая часть из них считала, что никакая реформа вообще не нужна, так как старые методы судебного и полицейского угнетения и террора вполне могут удержать в повиновении крестьян. Прекрасной иллюстрацией умонастроений этой части дворянства является брошюра лифляндского помещика Унгерна-Штернберга, напечатанная в 1803 г., в которой как «предпочтительное средство при внутренних беспорядках» ¹² предлагалась картечь. Однако часть лифляндских дворян

⁹ ЦГА Латв. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 1052.

¹⁰ M. Abolina. Vidzemes zemnieku kļaušas un nodevas 18 gs. beigās, Vestures problems I, Rīga, 1957, 21—22, 31, 36, 42, 44, 50, 69 и 74 lpp.

¹¹ Там же, стр. 43.

¹² «Ist die, von Einigen des Adels projektierte Einführung der Freiheit unter dem Bauernstande in Livland, dem Staatsrechte Russlands conform?..», St. Petersburg, 1803, В пояснение нужно сказать, что на ландтаге 1803 г. несколько лифляндских дворян выступили с предложением дать крестьянам формальную свободу через 21 год.

во главе с ландратом Фр. Сиверсом сочла необходимым несколько отрегулировать отношения между помещиками и крестьянами и нашла в этом вопросе общий язык с царским правительством, которому в ходе реформы подчас приходилось подталкивать местное дворянство, что объясняется их различным подходом к крестьянской реформе. Для лифляндских помещиков эта реформа являлась прежде всего средством легализации требуемых ими от крестьян повинностей и никаких причин торопиться с решением этого вопроса у них не было. Для царского же правительства реформа представляла собой лишь один вопрос из очень сложного комплекса проблем внутренней и внешней политики, на что обратил внимание К. В. Сивков в одной из своих последних работ¹³.

В Прибалтике продовольственное положение было далеко не удовлетворительным. К началу XIX в. сложилась такая внешнеполитическая обстановка, что в любую минуту могло понадобиться, и понадобилось, продвинуть большие количества войск через эти пограничные губернии или расположить их там. Царивший же в деревнях голод, падеж изнуренных помещичьей барщиной крестьянских лошадей все больше ставил под угрозу обеспечение войск подводами и продовольствием. В этих губерниях могли вспыхнуть крестьянские волнения, которые потребовали бы снятия с фронта войск для их подавления. Поэтому не удивительно, что для царского правительства крестьянский вопрос в Прибалтике представлял собой более неотложную проблему, чем для местных помещиков.

Ландтаг лифляндского дворянства 1797 г. решил¹⁴, что общая стоимость требуемых от крестьян в порядке ординарной барщины работ, а также натуральных податей, должна соответствовать стоимости выделенных крестьянам земель, причем и то и другое должно быть оценено по шведскому таксационному методу конца XVII в. Так как вспомогательная барщина, по решению ландтага, не подлежала никакому нормированию, то помещики, торжественно заявляя об уточнении и ограничении барщины, сохранили по существу право налагать ее на крестьян в виде вспомогательной барщины в неограниченных размерах.

В ответ на известный указ Павла I от 13 июля 1800 г., под угрозой взять в «казенное ведомство» имения всех помещиков, «что свыше вакенбуха требовать и налагать станут...»¹⁵, обязавший все прибалтийские имения составить вакенбухи, местные губернские власти переслали в Петербург решение ландтага 1797 г., сопроводив его, однако, своими собственными предложениями. Генерал-губернатор Нагель послал в Петербург проект формы вакенбуха и норм крестьянских повинностей, который был составлен им на основе вакенбухов, применяемых в казенных имениях¹⁶. Нагель (в § 3 предложений) выдвинул принцип, что точной оценке должны подлежать все барщинные повинности крестьян. Он считал, что крестьянин, владеющий одним гаком земли, оцененной в 90 талеров, должен отбывать помещику ординарной барщины на 40 талеров, неординарной — на 30 талеров и податей — на 20 талеров¹⁷.

Эта разница между предложениями местного дворянства и губернских властей, которая лежала в основе многих разногласий между дворянством и правительством, вполне понятна и закономерна. Помещики добивались узаконения существующих повинностей, но были мало заинтересованы в их точном определении. Зато правительственные власти, которым беспрерывно приходилось заниматься протестами крестьян против отдельных конкретных видов повинностей, жалобами на то, что у крестьян в других имениях повинности якобы более легкие, не могли больше мириться с неопределенностью обязанностей крестьян и стремились к выработке общепринятых норм. Само собой разумеется, что эти нормы должны были «нимало не стеснять нынешнее хозяйство» помещиков, как это впоследствии и было прямо сказано во вступительной части закона 1804 г.¹⁸.

¹³ К. В. Сивков. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г.», Таллин, 1959, стр. 31.

¹⁴ Это решение приведено как приложение известным публицистом-просветителем Г. Меркелем в его книге «Die Letten, vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts, Zweite verbesserte Auflage» (Leipzig, 1800, S. 405—440).

¹⁵ Ю. Самарин. Крестьянский вопрос в Лифляндии. Окраины России, серия первая, вып. VI, Berlin, 1876, стр. 29.

¹⁶ Ю. Самарин. Указ. соч., стр. 31—32; ЦГИАЛ, ф. Комитета для рассмотрения лифляндских дел (ф. 1528), оп. 1, д. 1, лл. 16 и 25.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 1, л. 35.

¹⁸ ПСЗ, т. XXVIII 1804—1805 гг., СПб., 1830, стр. 107.

В августе 1802 г. группа лифляндских дворян во главе с ландратом Сиверсом решила принять правительственную программу регулирования крестьянского вопроса, по существу и так уже мало отличавшуюся от программы местного дворянства. Правительство со своей стороны стало торопиться с проведением реформы: оно было напугано вспыхнувшими в Лифляндии в октябре 1802 г. сильными крестьянскими волнениями, для подавления которых местные власти вынуждены были пустить в ход даже артиллерию.

На ландтаге 1803 г. развернулась ожесточенная борьба вокруг предполагаемой реформы, проект которой был выработан ландратом Сиверсом. В решении ландтага 1797 г. (в составлении которого сам Сиверс принимал столь активное участие, что решение ландтага стали называть «регулятивом Сиверса»¹⁹) говорилось, что по стоимости должны соизмеряться только ординарная барщина и земля. От прежних своих позиций Сиверс как бы перекинул мост к новым с помощью замысловатого маневра. Он утверждал, что в конце XVII в. при шведской таксации принимались во внимание, с одной стороны, только ординарная барщина, а с другой, только пашни. Теперь же следовало бы учесть, с одной стороны, вспомогательную барщину, а с другой, принять в расчет также и сенокосы и огородную землю²⁰. Выгодный для политической карьеры Сиверса маневр не удовлетворял, однако, многих помещиков, которые поняли, что построенный им «мост» не выдержит тяжести взваленной на плечи крестьян вспомогательной барщины. Поэтому предложения Сиверса были встречены в штыки большинством членов ландтага.

Не добившись своей цели на ландтаге, где пришлось подчиниться «воле государя», противники реформы обратились с жалобами к правительству. В Петербург хлынул поток писем и петиций. Но готовившееся к войне с Францией царское правительство в это время было особенно заинтересовано в скорейшем проведении реформы с тем, чтобы к началу войны иметь в пограничных губерниях «спокойный тыл»²¹. Так как местное дворянство, а на этот раз даже и губернские власти, явно не желали двигать вперед дело реформы, пришлось учредить указом царя от 11 мая 1803 г. в Петербурге комитет для рассмотрения лифляндских дел. В состав комитета вошли министр внутренних дел В. П. Кочубей, его заместитель П. А. Строганов, сенатор О. П. Козодавлев и два представителя от лифляндского дворянства — ландраты Г. Будденброк и Р. Анреп²². По существу в работе комитета участвовал и сам царь, который утверждал все его решения и протоколы.

Если к созданию Лифляндского комитета правительство побудили прежде всего протесты помещиков против решений ландтага 1803 г., то на работу этого комитета несравненно сильнее влияло то, как реагировало на начало подготовки реформы крестьянство.

Уже летом 1803 г. оправдались опасения генерал-губернатора Голицына, боявшегося, что начало подготовительных работ по проведению реформы вызовет «частичные мятежи, которые без кровопролития утушены быть не могут...»²³.

Летом 1803 г. крестьяне узнали о выработке в скором времени новых вакенбухов, которые якобы облегчат повинности крестьян²⁴. Это послужило поводом для выступления крестьян имения Кабала, которые в начале июля самовольно сократили отбываемые ими помещику барщинные повинности. Вскоре их примеру последовали крестьяне и других имений из приходо́в Пыльтсамаа и Пилиствере (Адавере, Имавере, Лустивере, Паюси, Рутиквере и Выревере), также самовольно сократив свои повинности²⁵.

Губернские власти поручили ликвидировать волнения ландрату Анрепу, предоставив в его распоряжение батальон солдат. В жестоком усмирении крестьян участвовал приехавший на место происшествия ландрат Сиверс. Крестьяне упорно сопротивля-

¹⁹ Я. Зутис. Указ. соч., стр. 101.

²⁰ А. Тобиен. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert, I. Band: Die Bauerverordnungen von 1804 und 1819, Berlin, 1899, S. 164.

²¹ J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sakuma (1804—1819), Riga, 1954, 14 lp.

²² Ю. Самарин. Указ. соч., стр. 83—87; А. Тобиен. Указ. соч., стр. 204—205.

²³ Ю. Самарин. Указ. соч., стр. 58—59.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, лл. 21, 23, 28, 30.

²⁵ Там же, лл. 28 и 30. Обзор крестьянских волнений в этих имениях дан и Я. Зутисом (Я. Зутис. Латвия в период разложения крепостного строя., стр. 153—155).

лись, на подавление волнений в каждой волости карателям пришлось потратить по два дня. В Кабала крестьяне в конце концов согласились исполнять барщину в прежних размерах, но только до «объявления нового регулятива». В Паюси при приближении карателей крестьяне вооружились дубинами и камнями и заявили ландратам, что требуют «старого шведского оброка» и что им «за жатие же хлеба, сидку вина и подводы должно платить деньгами». Как в Паюси, так и в Лустивере каратели подвергли порке вожаков крестьян. В Кабала, Паюси, Адавере и Лустивере были размещены на постой солдаты. Лишь в начале августа губернские власти решили, что «спокойствие» в этом районе восстановлено²⁶.

В сентябре 1803 г. в Вастселийна вспыхнуло сильное крестьянское волнение, угрожавшее перерасти в восстание. Для его подавления пришлось направить воинскую команду²⁷.

3 августа 1803 г. в Петербурге начал свои длившиеся до 3 февраля 1804 г. заседания Лифляндский комитет²⁸. Указом царя от 20 февраля 1804 г. подготовленный этим комитетом проект был превращен в закон — в Положение о крестьянах Лифляндской губернии. Члены Лифляндского комитета заявили, что они составили закон, который может быть претворен в жизнь «ко взаимной пользе, без нарушения законных прав обоих сословий...». Выразив надежду, что им удалось «не оставить во всех отношениях крестьян к помещикам ничего неопределятельного», они полагали, что помещики будут теперь требовать от крестьян вспомогательную барщину только в таком объеме, в каком крестьяне имеют сенокосы. Работавшие в комитете царские сановники охотно верили утверждениям представителей лифляндского дворянства, что после проведения этого закона в жизнь «вся повинность каждого крестьянина ни под каким видом не может уже превышать двух рабочих дней в неделю»²⁹ и занесли это положение, не имевшее по существу никакого смысла для Прибалтики с ее хуторской системой, даже в текст закона.

В июле 1804 г. специальные ревизионные комиссии (по одной комиссии, состоявшей из двух отделений, на каждый из четырех уездов) стали проводить реформу в жизнь. До окончания трудоемких и длительных работ по измерению и таксации земель они могли утвердить и раздать крестьянам только временные вакенбухи, которые впоследствии должны были быть заменены окончательными. Эти временные вакенбухи составлялись, как говорилось в инструкции ревизионным комиссиям, на основании представленных помещиками «ведомостей о всех действительно в то время существующих крестьянских повинностях и податях и о землях, ими владеемых...». Но комиссии должны были, призывая «избранных крестьян из хозяев каждого поместья и допрашивая их, удостовериться от них лично — действительно ли показанные в ведомостях повинности крестьянами исправлялись до 1803 года, имеют ли они означенное количество земли и так далее, о каждой статье, показанной в ведомости...»³⁰. Только после этого комиссия могла приступить к составлению временных вакенбухов, которые по возможности должны были отвечать смыслу нового закона.

В обстановке все учащающихся крестьянских волнений ревизионным комиссиям подчас приходилось делать уступки крестьянам. Сохранились интересные данные о деятельности тартуской ревизионной комиссии. Когда в августе 1804 г. комиссия приступила к составлению временного вакенбуха для имения Вяйке-Конгута, арендатор его, помещик Шульц, заявил, что крестьяне несут у него барщину по два дня в неделю на человека, но что вообще «состоявшие у него в аренде крестьяне все без исключения столь худого поведения, что он не одобряет никого в судейные звания, просит суда крестьянского из них не збирать, а причислить к другому имению»³¹. Когда же были вызваны крестьяне, то, по словам председателя комиссии Пущина, выяснилось, что показания «Шульца о работе несправедливы, ибо вместо двух дней в неделю с крайним изнурением, сверх того употребляет их в другие приходы на приготовление и воз-

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 2, лл. 22—23, 27—30, 32.

²⁷ Я. З у т и с. Латвия в период разложения крепостного строя... стр. 156—157.

²⁸ Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 103.

²⁹ ПСЗ, т. XXVIII, стр. 102, 105, 106 и 117, 107.

³⁰ Там же, стр. 128.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, л. 17. Одновременно с раздачей временных вакенбухов создавались и волостные суды.

ку извести и отправляет обозы в самое распутное время, от чего, [как] крестьяне показывают, лишились лошадей и не могут по недостатку... обработать своих земель и засеивать и принуждены для пропитания занимать у него хлеб и впали в неоплатные долги»³². Этот случай красноречиво говорит о том, что крестьяне пользовались вызовом в ревизионную комиссию для предъявления жалоб на своего помещика. В конце концов крестьяне Вяйке-Конгута добились даже некоторого уменьшения барщинных повинностей.

Сохранились отчеты тартуской ревизионной комиссии о ее работе в 1805 г. по составлению временных вакенбухов в 26 имениях³³. В отношении 15 имений в этих отчетах прямо сказано, что повинности крестьян пришлось уменьшить. Об 1 имении говорится, что там общая площадь земель не соответствовала объему повинностей (и последние пришлось, очевидно, уменьшить); в 3 имениях по просьбе крестьян комиссия распорядилась так, что они сами стали платить подушную подать деньгами и благодаря этому помещики лишились тех барщинных дней, которых до этого требовали в счет подушного налога. В 6 имениях существующие повинности были утверждены без изменений. В отношении 1 имения нет ясных указаний. По ведомости ярнунской ревизионной комиссии, составленной 22 декабря 1804 г., в 5 имениях ее округа крестьянские повинности остались на прежнем уровне, а в 15 имениях были уменьшены³⁴.

Деятельность ревизионных комиссий, во главе которых стояли русские чиновники, с самого начала вызвала бурю негодования со стороны местного дворянства, которое стало саботировать их работу³⁵. Когда избранные местными дворянами члены ревизионных комиссий не хотели приступить к исполнению своих обязанностей, министр внутренних дел гр. Кочубей в конце июня 1804 г. предписал генерал-губернатору Буксгевдену сообщить дворянам, «что в последней крайности можно и всех членов в комиссии назначить из Российских чиновников...»³⁶. Испуганные дворяне поспешили занять свои места и начали теперь саботировать проведение реформы изнутри комиссий.

С еще большим недовольством проведение нового закона было встречено крестьянами. Во вступительной части и в статьях самого закона крестьянам обещали, что отныне повинности будут только соразмерны количеству и качеству владеемых ими земель, что требовать их будут по старой «шведской таксе». Но ревизионные комиссии стали раздавать вакенбухи, в которых фиксировались существующие повинности и лишь изредка с незначительными уменьшениями. Дело осложнялось еще тем, что одновременно с раздачей временных вакенбухов ревизионные комиссии должны были учредить волостные суды и привести к присяге избранных в члены этих судов дворохозяев. Крестьяне стали опасаться, что требуемой присягой их принуждают к беспрекословному исполнению всех зафиксированных в вакенбухах повинностей. Во многих местах крестьяне летом 1804 г. считали, что как только ревизионные комиссии начнут свою работу, повинности крестьян будут немедленно уменьшены.

Крестьяне имения Пангоди (приход Нью Тартуского уезда) уже в июле 1804 г. отказались избирать судей и стали самовольно уменьшать барщину³⁷. Вскоре их примеру последовали крестьяне имения Ару того же прихода. Когда местные власти попытались некоторых вожakov подвергнуть порке, крестьяне силой освободили арестованных. К началу октября волнения крестьян распространились и на соседние приходы. Для подавления этих крестьянских волнений из Таллина была отправлена рота мушкетного полка³⁸.

В сентябре-октябре 1804 г. крестьяне приходов Раунас, Дзербенес, Кримулдас, Лехдурнас, Сигулдас и Баушкальнас отказались выбирать крестьянских заседателей

³² ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, л. 17. Возможно, что эти противоречивые данные возникли потому, что помещик делил общее количество барщинных дней на общее количество крестьян (включая и членов крестьянских семей и бобылей) и действительно получил, что на одного крестьянина приходится не более двух дней; чиновник же, не знакомый с местными условиями, приступая к допросу крестьян, услышал, что они исполняют по шесть дней с хутора.

³³ Там же, лл. 16—26.

³⁴ Там же, д. 5, лл. 26—33.

³⁵ А. Т о б и н. Указ. соч., стр. 208; Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 166—170.

³⁶ Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 174.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, л. 9.

³⁸ Там же, д. 2, л. 48.

в новые суды и принимать вакенбухи. Для подавления сопротивления крестьян туда были посланы две роты солдат³⁹.

В январе 1805 г. начались крестьянские волнения на морском побережье Пярнуского уезда. Принимая вакенбухи, крестьянский судья Кавара Ени из волости Поотси заявил, «что по оным исполнения чинить не будут, ибо ими недовольны». Примеру поотсских крестьян последовали и крестьяне имения Сели, собирались это сделать и крестьяне Аудру. В начале марта в эти имения была послана воинская команда⁴⁰.

Летом и осенью 1805 г. в Тартуском уезде разразились новые сильные крестьянские волнения. Уже в конце мая для подавления выступлений крестьян имений Рынгу и Соонтага, отказавшихся от принятия новых вакенбухов, были посланы две роты. В июле сильные крестьянские волнения охватили приход Отепя — крестьяне имений Отепя, Видрику и Пюхаярве отказались принимать вакенбухи; туда была направлена рота солдат⁴¹. В октябре, по донесению местных властей, вспыхнуло «общее по всему кирхшпилю (приходу) возмущение» в Сангасте. Высказывалось опасение, что если к сангастским крестьянам присоединятся еще крестьяне соседнего Карулаского прихода, то количество «возмутившихся будет до 10 000 мужиков». Вожаки сангастских крестьян знали о происшедших в начале октября крестьянских волнениях в соседней Эстляндской губернии и, по сообщению председателя местной ревизионной комиссии, извещали своих односельчан, «что в Ревельской губернии упорно отлагаются от послушанья и что все те, кто упорно настоят, получат свободу»⁴².

Для подавления крестьянских волнений в лифляндские деревни направлялись все новые и новые воинские команды. Проезжая около 20 октября через Тартуский уезд, председатель рижской ревизионной комиссии Арсеньев заметил, «что от самого Дерпта (Тарту) до Венденского (Цесиского) уезда все селения наполнены солдатами, кои не смеют однакоже вывести, ожидая возмущения»⁴³.

Одновременно с Лифляндией к аграрной реформе приступили и в соседней Эстляндской губернии. Утвержденный царем в 1804 г. и опубликованный на эстонском языке осенью 1805 г. закон также устанавливал определенные нормы крестьянских повинностей. Однако на практике это свелось лишь к фиксированию в вакенбухах каждого имения уже существующих повинностей, так как эстляндский закон, в отличие от лифляндского, вовсе не предусматривает измерений и таксаций крестьянских земель. Летом и осенью 1805 г. по Эстляндской губернии прокатились сильные крестьянские волнения, охватившие, по имеющимся данным, около 25 имений⁴⁴.

Наряду с экземплярами Положения для крестьян Эстляндской губернии в их руки попало также несколько экземпляров эстонского издания Положения о крестьянах Лифляндской губернии, где ряд вопросов был решен в более выгодном для крестьян смысле. Кроме того, как всегда при обнародовании новых крестьянских законов, распространились слухи о подлинном царском законе, который помещики якобы утаили, выдавая крестьянам вместо него подложный закон. До губернских властей начали доходить тревожные сообщения о том, что крестьяне считают, что в настоящем законе ночная молотба запрещена или даже толкуют о том, что истинный «регулятив состоит в том, чтоб перебить всех господ»⁴⁵.

Начавшиеся в августе волнения переросли в сентябре и в начале октября уже в открытые восстания. 12 сентября 1805 г. в имение Карину явился гакенрихтер в сопровождении 120 солдат и приступил к допросу вызванных в имение крестьян-дворохозяев. Когда до собравшихся в Орна барщинников дошел слух, будто солдаты начали пороть каринуских дворохозяев, они поспешили им на выручку. Пустив в ход штыки и приклады, солдаты отразили нападение барщинников, убив одного и ранив четырех чело-

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, лл. 41 и 43.

⁴⁰ Там же, лл. 52, 54.

⁴¹ Там же, д. 2, лл. 55, 56.

⁴² Там же, лл. 66, 103.

⁴³ Там же, л. 100.

⁴⁴ «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)», под ред. Г. И. Наана, изд. 2, Таллин, 1958, стр. 200. Интересный, хотя и не совсем полный, обзор крестьянских волнений 1805 г. в Эстляндии дан Я. Я. Зугисом. (См. Я. З у т и с. Крестьянские законы в Лифляндии и Курляндии., стр. 52—55).

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 32, л. 453.

век⁴⁶. 2 октября в имени Козе-Ууэмыйза между восставшими крестьянами и солдатами завязался кровопролитный бой. В начале крестьянам удалось потеснить левый фланг воинского отряда, однако у солдат был перевес в огнестрельном оружии, что решило исход боя в их пользу. В начале октября настроение крестьян по всей губернии было очень тревожным. Приходившие на таллинский рынок говорили, что их волости готовы идти на помощь козеуэмыйзским крестьянам, чтобы затем всем вместе двинуться на губернский город Таллин⁴⁷. С помощью войск помещикам все же удалось подавить волнения крестьян, носившие стихийный и изолированный характер.

Попав в тиски антагонистических интересов помещиков и крестьян, лифляндский крестьянский закон стал давать одну трещину за другой. Выяснилось, что, как уже в 1803 г. опасались многие помещики, сенокосы несколько «не компенсировали» требуемые с крестьян в виде вспомогательной барщины повинности. 31 июля 1804 г. председатель тартуской комиссии и 10 сентября того же года председатель рижской комиссии донесли министру внутренних дел, что крестьяне не имеют «законной пропорции» покосов и просили совета, как поступать: можно ли заменить сенокос какими-то другими угодьями или придется уменьшить повинности или подати крестьян и какие именно⁴⁸. 19 марта 1805 г. Лифляндский комитет, продолжавший в Петербурге свою работу и после издания закона 1804 г., вынес решение, что, если действительно нет достаточного количества лугов и общая стоимость крестьянских земель по этой причине уменьшается, придется соответственно понизить и повинности крестьян⁴⁹. Во время составления нового закона представители лифляндского дворянства в Лифляндском комитете ландраты Анреп и Будденброк добились такой формулировки соответствующих частей закона, что в отношении оценки барщинных дней сохранили силу старые, имеющиеся в шведских законах нормы. Для сенокосов же в текст закона были внесены новые, более высокие таксы. Однако по настоянию Сиверса, находившегося в то время в оппозиции к большинству лифляндских дворян, комитет 5 ноября 1804 г. восстановил старые «шведские таксы» также и в отношении сенокосов⁵⁰. Собравшийся в феврале 1805 г. ландтаг вновь поднял вопрос об оценке сенокосов. Правительство было представлено ходатайство о повышении их такс⁵¹, причем в составленном на ландтаге проекте изменений закона 1804 г. прямо говорилось, что нужно найти пути для увеличения вспомогательной барщины, «потому что без того хозяйство никак не могло бы существовать, ибо какие бы имело последствия, если бы собранный с полей хлеб нельзя было бы сожнуть или смолотить»⁵². В июне 1805 г. Лифляндский комитет отклонил ходатайство дворянства⁵³. Во второй половине 1805 и в начале 1806 г. лифляндское дворянство по этому же вопросу послало в Петербург одного за другим пять депутатов, причем генерал-губернатор уведомил министра внутренних дел, «что, если отказано будет в сей просьбе, то все дворянство целым корпусом приедет в Петербург»⁵⁴. В Петербурге еще в ноябре 1805 г. встретили депутатов дворянства довольно недружелюбно⁵⁵. Однако в начале 1806 г. положение в некоторой степени изменилось. После тщательного рассмотрения предложений лифляндского дворянства правительство хотя и снова отклонило просьбу о повышении оценки сенокосов, но сформулировало этот отказ так, что помещикам все же была открыта возможность увеличения вспомогательной барщины за счет сенокосов⁵⁶.

⁴⁶ «История Эстонской ССР», стр. 199.

⁴⁷ Там же, стр. 200—201.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 4, л. 10; д. 18, л. 7.

⁴⁹ Там же, д. 149, л. 84.

⁵⁰ А. Т о б и н. Указ. соч., стр. 210—212; Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 194—198.

⁵¹ Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 202.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 1528, оп. 1, д. 9, л. 48.

⁵³ Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 163—164; А. Т о б и н. Указ. соч., стр. 214.

⁵⁴ А. Т о б и н. Указ. соч., стр. 215; Ю. С а м а р и н. Указ. соч., стр. 206—212.

⁵⁵ А. Т о б и н. Указ. соч., стр. 217.

⁵⁶ В дополнительных правилах к закону 1804 г. это выражено таким образом: «в поместьях, имеющих недостаток в сенокосе, где при составлении новых вакенбухов... Комиссия действительно смотрит, что по самому малому пространству сенокосов оценка крестьянских участков столько уменьшится, что нужные вспомогательные работы не могут быть исправлены, и что сенокосы сии не принадлежат ни к одной из определенных в предыдущей статье степени, а действительно с них снимается большее количество возов сена... полагает воз в 1¼ грошей и оценивает таким образом крестьянские участки» (ПСЗ, т. XXX, 1808—1809 гг., стр. 820).

В начале 1806 г. выяснилось, что в законе, который должен был внести ясность в вопрос о крестьянских повинностях, очень нечетко было определено, какие источники (предъявленные помещиками ведомости-реверсы или прежние вакенбухи) должны служить основой при установлении размеров крестьянских повинностей. Несмотря на все усилия, Лифляндский комитет так и не сумел внести ясность в этот вопрос. В результате получилось, что при проведении в жизнь закона, который должен был установить общегубернские нормы крестьянских повинностей, ревизионные комиссии «Венденская, Перновская и Рижская в рассуждении реверсов руководствовались одними правилами. Дерптская — другими. Все роздали вакенбухи, посредством чего в одной и той же провинции вышли разные для крестьян положения»⁵⁷.

В итоге этих неурядиц центральное правительство стало более сговорчивым в отношении требований местного дворянства. После того, как еще летом 1805 г. правительство категорически отклонило просьбу лифляндского дворянства о составлении выгодных для помещиков дополнительных правил к закону 1804 г., теперь оно ее удовлетворило. Эти правила были изданы в 1809 г.

Как же изменилась величина крестьянских повинностей в результате реформы 1804 г.? Какие повинности возложили на плечи крестьян окончательные вакенбухи, составленные после длительных измерительных и таксационных работ?

Еще Ю. Самарин обратил внимание на то обстоятельство, что если в конце XVII в. при таксации крестьянских земель и установлении повинностей один гак приравнивался к 60 талерам крестьянских повинностей, то по закону 1804 г. один гак считался равным 80 талерам. Из этого Самарин делал в основном правильный вывод, что повинности крестьян по сравнению с уровнем конца XVII в. увеличились (по его мнению, на одну треть⁵⁸). И после Самарина при изучении этого вопроса исследователи брали за отправную единицу гак, т. е. выясняли, сколько гаков имелось в том или ином имении до и после измерительных работ, проведенных в ходе реформ 1804 г.⁵⁹ Все изучавшие этот вопрос прибалтийские советские историки, в том числе и автор данной статьи, до самого последнего времени считали, что реформа 1804 г. во всех без исключения лифляндских имениях увеличила барщинные повинности крестьян, притом довольно значительно⁶⁰. При этом упускалось, однако, из виду, что если после издания закона 1804 г. размер отбываемых крестьянами повинностей зависел от площади и качества их земель, исчисленных в гаках и талерах, то до 1804 г. дело обстоит иначе. Количество гаков частного имения до 1804 г. не отражает размера требуемых с крестьян повинностей. В разных имениях размеры повинностей с крестьянских хуторов ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ гака) были различны. Если размеры ординарной барщины еще в какой-то степени соответствовали величине крестьянского участка (от держателя $\frac{1}{4}$ гака, как правило, требовали 6 дней постоянной барщины в неделю, от держателя $\frac{1}{8}$ гака — 3 дня и т. д.), то вспомогательная барщина, а именно она стремительно росла в XVIII в., никакому точному сопоставлению с количеством гаков в тот период не поддается. Кроме того, имевший хождение в отношениях между крестьянами и помещиками «крестьянский гак» вовсе не соответствовал казенному или экономическому гаку, который до введения подушной подати в 1783 г. употреблялся местными государственными учреждениями при взъяснении с помещиков казенных податей. И именно из этого казенного гака должны были исходить ревизионные комиссии, когда они сравнивали новые и прежние размеры крестьянских повинностей (см. § 25 инструкции ревизионным комиссиям⁶¹).

При выяснении размеров крестьянских повинностей до 1804 г. вовсе не нужно исходить из таких посредственных и туманных данных как количество гаков и талеров. Для этого имеются намного более точные, ясные и достоверные источники. В Центральном государственном историческом архиве Эстонии в фонде Ревизионной межевой комиссии сохранилось огромное количество составленных помещиками в 1804 и 1805 гг. ведомостей (Eingabe) о крестьянских повинностях, а также временные и окончатель-

⁵⁷ Ю. Самарин. Указ. соч., стр. 288—300, 331—333, 344—345, 346, 352—353.

⁵⁸ Там же, стр. 31—32.

⁵⁹ Я. Зутис. Крестьянские законы в Лифляндии и Курляндии..., стр. 92—97.

⁶⁰ «История Латвийской ССР (со древнейших времен до 1953 г.)», Рига, 1955, стр. 122, «История Эстонской ССР», стр. 198—199; «Eesti NSV ajalugu», I kd., toimetanud A. Vassar, Tallinn, 1955, lk. 560; «Põhijooni majandusliku mõtte ajalooost Festis XIX sajandil», Tallinn, 1958, lk. 12.

⁶¹ ПСЗ, т. XXVIII, стр. 129.

ные вакенбухи. В достоверности составленных помещиками ведомостей можно не сомневаться, так как помещики отлично знали, что точность и достоверность всех представленных ими данных ревизионные комиссии будут проверять в присутствии представителей крестьян, а крестьяне, как мы видели, вели себя в 1804 и 1805 гг. весьма активно.

Сопоставление этих ведомостей с окончательными вакенбухами, составленными после проведения измерительных и таксационных работ, может дать нам ответ на вопрос — привело ли бы осуществление лифляндского крестьянского закона 1804 г. к увеличению помещичьих повинностей крестьян или нет?

ТАБЛИЦА 1

Название имения	Стоимость земли хутора по оценке помещиков		Мужчин	Женщин	Лошадей	Рогатого скота	Сколько дней барщины в год исполнял хутор	
	в талерах	в грошах					до 1804 г.	по окончательному вакенбуху
Аре	22	45	3	3	2	6	549	434
Лелле	17	—	3	2	3	6	190	314
Курема	19	57	3	2	2	6	765	382
Палупере	21	—	3	2—3	?	?	700	421
Аре	15	32	2	1	2	4	260	296
Лелле	11	39	2	2	2	5	95	216
Курема	11	63	3	2	1	3	561	224
Абья	17	49	2	2	2	4	318	344

Пока удалось провести эту работу только в отношении 7 имений эстонской части Лифляндии. Для этого пришлось заняться подсчетом повинностей 306 хуторов. Хотя полученный материал еще не дает исчерпывающего ответа на поставленный вопрос, он все же заставляет нас пересмотреть многие господствовавшие до сих пор положения.

О чем говорит этот материал? Во-первых, он показывает, какое шаткое основание для выяснения размера барщинных повинностей представляют собой данные о количестве гаков. В имениях Кяревере, Карула, Аре, Лелле, Курема количество гаков в результате обмежевания увеличивается. При этом, однако, в 3 из этих имений объем барщинных повинностей крестьян увеличивается, а в 2 — уменьшается.

Во-вторых, бросается в глаза пестрота размеров крестьянских повинностей после реформы. Если до 1804 г. в имении насчитывалось 2, 3 или 4 разряда хуторов и 5, 10, 20, даже 40 хуторов имели одинаковые повинности, то после реформы количество различных друг от друга разрядов сильно возрастает, причем, как правило, только 5—6, но не более 10 хуторов, имеют одинаковые повинности. Это говорит о том, что если до реформы размер повинностей устанавливался самим помещиком довольно произвольно, то после реформы пришлось учитывать такие разнообразные факторы, как объем и качество крестьянских земель.

До реформы одинаковые по количеству людей и скота хутора в разных имениях были обложены повинностями по-разному. Это отчетливо видно из таблицы (см. таблицу 1).

Понятно, что при таком положении установление общегубернских норм крестьянских повинностей должно было дать и разные результаты, как видно из таблицы 2.

К сожалению, еще нет возможности установить, какую картину дала бы реформа в общегубернском масштабе — превышает ли число крестьян с завышенными барщинными повинностями число крестьян с пониженными нормами барщины или наоборот. Одно, во всяком случае, ясно, что говорить о всеобщем и значительном увеличении крестьянских повинностей нет основания, тем более если учесть ожесточенное сопротивление лифляндских помещиков проведению реформы.

Как и все проводимые правящими классами реформы, так и реформа 1804 г. в Лифляндии представляла собой обман и издевательство над народом. Рабочая сила крестьян, их барщинные дни были оценены смехотворно низко, а находившиеся в их владении земли — очень высоко, причем для оправдания высоких барщинных повинностей

к крестьянскому хутору часто прирезались совершенно негодные земли. Сохранившиеся данные по 72 имениям эстонской части Лифляндии показывают, что из всей площади выделенных крестьянам за барщину пашенных земель одну треть составляла подсека четвертого, т. е. самого низкого разряда⁶² (подсекой же четвертого разряда, использовавшейся лишь периодически, через каждые 20—30 лет, можно было объявить любую заросшую кустарником землю).

Как же расценить регламентацию реформой 1804 г. барщинных повинностей крестьян (зная теперь, что реформа не сопровождалась всеобщим увеличением этих повинностей), и как повлияло это мероприятие на дальнейшее развитие производительных сил в сельском хозяйстве?

ТАБЛИЦА 2

Название имения	Общее количество хуторов	Количество хуторов, у которых				Общее количество барщинных дней, подлежаемых помещику	
		барщинные повинности		натуральные повинности		до реформы	после реформы
		увеличились	уменьшились	увеличились	уменьшились		
Аре	19	19	—	?	?	6 623	7 641
Лелле	45	44	1	21	24	5 775	10 486
Абья	58 ¹	52	6	—	58	19 482	21 275
Карула	99	90	9	—	99	48 065	50 431
Кяревере	19	—	19	—	5 ²	10 466	6 658
Курема	46	—	46	—	46	33 966	20 140
Палупера	20	—	20	6	14	12 136	7 701

¹ По имению Абья не удалось получить данных в отношении всех хуторов.

² В остальных 14 хуторах натуральные повинности остались на прежнем уровне.

В этом вопросе, как и в общей оценке реформы 1804 г., уже давно определились две противоположные точки зрения. Большинство прибалтийских советских историков (Я. Зутис, А. Траат, А. Вассар, Ю. Какх и др.) считают, что в конечном счете реформа способствовала дальнейшему социально-экономическому развитию⁶³. Другой точки зрения придерживается историк и экономист Л. Лооне. Правильно подчеркивая, что реформа была предпринята с целью узаконить чрезвычайно возмездные феодальные повинности, Л. Лооне, однако, далее говорит: «На основании закона были составлены вакенбухи, в которых были зафиксированы значительно более высокие повинности, чем раньше... Узаконенные положением 1804 г. отсталые производственные отношения тормозили развитие производительных сил»⁶⁴. «Установление определенного количества дней и сроков для выполнения тех или иных полевых работ законсервировало существовавшую систему земледелия. Новые вакенбухи не предусматривали никаких нововведений, никакая рационализация сельского хозяйства не вмешалась в эту строгую систему»⁶⁵.

В вышеприведенной характеристике, во-первых, преувеличена точность регламентации, которая была якобы достигнута законом 1804 г. в отношении барщинных повинностей. Вакенбухи действительно точно предусматривали количество барщинных дней для некоторых работ, но только для тех, которые исполнялись в виде вспомогательной барщины, как, например, вывозка навоза, сенокос, уборка урожая и т. д., без которых

⁶² По закону пашенные земли были разделены на 4 класса пахотных земель и 4 класса подсечных.

⁶³ Я. Зутис. Крестьянские законы в Лифляндии и Курляндии., стр. 34—35; «История Латвийской ССР», т. I, стр. 449; А. Траат. Livimaa 1804. aasta talurahvaseadusest. «Edasi», 14. sept. 1954. а; «Eesti NSV ajalugu» I kd., lk. 560; «История Эстонской ССР», стр. 197.

⁶⁴ «Põhijooni majandusliku mõtte, ajaloost Eestis XIX sajandil», lk. 12—13.

⁶⁵ Л. А. Лооне. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Эстонии в первой половине XIX в. «Исторические записки», т. 60, стр. 220. Ср. Л. А. Лооне. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Эстонии в первой половине XIX века. Сб. «К вопросу об истории народного хозяйства в Прибалтике», Таллин. 1956, стр. 145.

не могло обойтись и самое передовое в то время помещичье хозяйство. В отношении же ординарной барщины помещику никто ничего не предписывал.

Дело, однако, не только в этом, но и в том, как вообще расценивать точное нормирование барщинных повинностей. Хотя реформа в этом вопросе и могла непосредственно вырастать из экономических интересов господствующего класса, из его «неугасимой жажды прибавочного труда»⁶⁶, нельзя все же не видеть, что как во время подготовки реформы, так и при ее проведении вокруг нее шла борьба двух классов. Не следует забывать, что установление точных размеров барщинных повинностей отвечало не всегда и не только интересам помещиков. Если иногда нормы, установленные законом 1804 г. в Лифляндии, не давали возможности помещикам получать от крестьян в определенные периоды или для определенных работ столько дней, сколько им хотелось то это действительно могло отрицательно сказаться на помещичьем хозяйстве, но это отнюдь не задерживало дальнейшего развития производительных сил вообще, как утверждает Л. Лооне. Те дни, которые помещики не могли теперь отобрать у крестьян, последние могли использовать в своем хозяйстве и именно за счет этих рабочих дней они получили возможность экономического развития. Крестьяне боролись объективно за более широкие возможности использования своего рабочего времени в собственном хозяйстве, за большее производство для рынка, за большее развитие деревенской домашней промышленности. А все это способствовало бы дальнейшему развитию товарно-денежных отношений и проникновению элементов капитализма в деревню. Дать общую оценку реформы с точки зрения этого весьма важного вопроса очень трудно, пока мы не знаем, в скольких случаях конкретное осуществление реформы привело к увеличению и в скольких — к уменьшению крестьянских повинностей. Однако уже сейчас ясно, что некоторые преграды на пути вторжения барщины в сферу труда крестьянина на самого себя реформа 1804 г. ставила, и в этом заключается ее относительно положительное значение, особенно по сравнению с предшествовавшими мероприятиями в области аграрной политики (решения ландтага 1765 г.) и последовавшей крестьянской реформой 1819 г. в Лифляндии.

Нельзя, конечно, забывать, что даже в тех имениях, где реализация норм закона 1804 г. привела бы к уменьшению барщинных повинностей крестьян, помещики в конечном счете ничего бы не потеряли. К тому времени, когда были завершены все растянувшиеся на длительное время измерительные работы, подспела очередная аграрная реформа 1819 г. Помещики объявили своих крестьян формально свободными и всякие «законные нормы» барщинных повинностей потеряли свою силу. Но это была в некотором смысле пиррова победа помещиков. Именно потому, что к определению и установлению размера и норм барщинных повинностей имелись два подхода — подход крестьян и подход помещиков и царского правительства — и провалилась попытка путем регулирования этого вопроса укрепить, «консервировать» феодально-крепостнические отношения. Чтобы избежать неприятных экономических последствий, которыми реформа 1804 г. грозила одной части помещиков (как в Лифляндии, так и в Эстляндии), прибалтийские дворяне должны были вступить на путь отмены этой реформы. Помещики и царское правительство, приступившие к реформе 1804 г. в надежде разрешить крестьянский вопрос и установить «твердые отношения» между помещиками и крестьянами, вновь вынуждены были заниматься этой проблемой, идти дальше по пути реформ. Поэтому крестьянскую реформу 1804 г. правильнее будет охарактеризовать не только как попытку царизма и помещиков «консервировать» существующий феодально-крепостнический строй, а скорее как провал такого рода попытки.

---

⁶⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 241.